

МОЕ ОРУЖИЕ— ПЕСНЯ...

Леонид УТЕСОВ, народный артист СССР

1.

В каких войнах я сражался? В русско-японской мне делать было нечего. Во время первой мировой я уже пел. Может быть, это были несовершенные песни, но они будили в людях любовь, дружбу — те человеческие чувства, которые по природе своей чужды мировой бойне.

Впрочем, как-то мне пришлось выступить в ампула не совсем привычном для артиста кабаре, на поприще которого я тогда подвизался. Однажды в зале появились дамы с кружками для сбора пожертвований. Они пеклись о солдатах на фронте. Мне предложили произнести призывную речь. И я начал говорить. О фронте, о солдатах, об окопах, о смерти, о страданиях... Мне стало жалко, теперь уже не помню, кого больше: себя или солдат на фронте. Но я говорил со слезами в голосе и пронял всех до костей. В кружки бросали, не скупясь. Меньше всего, очевидно, меня тогда интересовал политический смысл благотворительности всплакнувших о солдатских судьбах посетителей ресторана. Тогда я еще был только артистом, а не бойцом эстрады, которым мне предстояло стать уже довольно скоро.

Наступил Октябрь. Мысль, как жить дальше, не мучила меня. Я это хорошо знал — в единстве с теми, кто трудится. Как только волна Красной Армии смыла в море белогвардейцев, мы с Игорем Нежным создали в Одессе небольшую труппу и начали регулярно давать концерты в воинских частях, на агитпунктах, в красноармейских казармах. Приказ по 63-й бригаде превращал нас во фронтовую артистическую бригаду и зачислял на красноармейское довольствие.

Ярко запечатлелись в памяти

3.

роду, без которого немислим советский художник и которое так ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней Великой Отечественной мы старались активно содействовать фронту. «Бей врага» — так назвали первую военную программу нашего оркестра. Едва ли не высшим признанием нашего участия в битве с фашизмом звучат для меня строки кавалера ордена Славы М. Коробченко:

Нас трудной
Дорогой
К победе вели
И залпы «катюш»,
И песни Утесова.

На Калининском, Волховском, Центральном, Дальневосточном фронтах по радио мы пели наши песни: «Бей врага», «Жди меня», «В землянке», «Корреспондентская застольная», «Барон фон дер Пшик», «Неизвестный моряк», «Заветный камень», «Парень я молодой»... Не скажу, чтобы песни заглушали пушки, но они помогали людям легче переносить тяготы военного времени — это несомненно.

В 1942 году мы гордились Ленинградом, гордились Москвой и оплакивали временно оккупированную Одессу. Тогда-то и появилась песня «Мишка-одессит» композитора Михаила Воловаца на стихи Владимира Дыховичного. Двести шестьдесят два одессита по имени Михаил прислали мне письма с благодарностью за то, что я пою о них.

С двести шестьдесят третьим — минером Михаилом Бендерским завязалась у меня переписка. В его рассказах о себе было удивительное совпадение судеб придуманного в песне и живого героя. Он даже приехал ко мне в свой трехдневный солдатский отпуск. Мы вспоминали наш

встречи с Григорием Ивановичем Котовским, легендарным героем, грозой бессарабских помещиков и жандармов. Как и все одесситы, я с юных лет восхищался им. Однажды он сам пришел ко мне за кулисы Большого Ришельевского театра поблагодарить за доставленное удовольствие. Потом стал приходиться часто и просиживал у меня в артистической до конца спектакля, смеялся моим шуткам и рассказывал эпизоды из своей поистине романтической жизни.

И вот я, недавний артист кабаре, разъезжаю в вагоне, на котором красуется надпись «Первый коммунистический агитпоезд». Так официально назвал политотдел 63-й бригады нашу группу. «Первый коммунистический»! Здесь я впервые ощутил свое единство с армией, отстаивающей завоевания Октября, свою причастность к ее борьбе. Это будило невероятную энергию, желание сделать для этих простых, смелых, мужественных людей как можно больше.

Случилось так, что мне пришлось заменить всю нашу группу артистов и одному дать ночью концерт для ожидавшего отправки на фронт воинского подразделения. Такой концерт давал впервые. Я уходил в одни кулисы веселым куплетистом, а из других выходил серьезным рассказчиком, был и танцором, и певцом, пел арии из оперетт, играл сцены из водевилей, читал монологи и стихи, изображал оркестр и хор, солистов и дирижера... Никогда в жизни я еще не получал таких аплодисментов, никогда в жизни не испытывал такого наслаждения от своего выступления.

Это было для меня началом того осознанного служения на-

чудо-город. Мишка плакал и говорил: «Ничего, будет полный порядок, и чтобы я солнца не видел, если я в Одессу не приду!». Уговорились, что он приедет ко мне после войны. Мишка не приехал. А он был человек слова...

Я вспоминаю сегодня эту уже не раз рассказанную историю, чтобы напомнить, как могут быть едины, неразрывны жизнь искусства и жизнь народа. Такая связь и такое взаимовлияние стали возможны лишь в наше, советское время. Вспомните теперь танки, эскадрильи боевых самолетов, построенные на средства советских артистов в Великой Отечественной войне. И я горжусь тем, что не только мои песни помогли победе. «Дорогой наш друг, Леонид Осипович, — писали мне не так давно летчики. — Ваше имя навечно вписано в боевую летопись нашей части. В воздушных победах над фашистскими захватчиками есть большой вклад и лично Ваш и Вашего творческого коллектива. На самолетах - истребителях, подаренных Вашим джаз-оркестром и названных «Веселые ребята», наши летчики-герои в годы Великой Отечественной войны сбили десятки фашистских стервятников и закончили войну над Берлином».

Какие чувства охватывают меня, когда я думаю о возможности возникновения какой бы то ни было войны? У меня слишком слабый голос, чтобы я мог крикнуть на весь мир: «Люди, остановитесь! Перестаньте враждовать! Это бессмысленно и катастрофично!». Но есть песня. Есть, например, и эта, написанная бывшим музыкантом нашего джаз-оркестра Аркадием Островским, — «Пусть всегда будет солнце!»...